

A. P. ...

...

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1. //Правда, М., 1977
FB2: "Ustas ", 2007-12-07, version 1.0
UUID: 47287ed9-f608-102a-9d2a-1f07c3bd69d8
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Петербургские карьеры

Содержание

I АГАФЬЯ0005
I0005
II0014
III0027
IV0033
V0039
II СТЕПА0041
ПРИМЕЧАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИЕ КАРЬЕРЫ . .	.0052
АГАФЬЯ0052
СТЕПА0052

**Константин Михайлович
Станюкович
Петербургские карьеры**

АГАФЬЯ

В одной из изб небольшой деревеньки Тверской губернии собирали в столицу молодую бабенку Агафью. Старуха мать уже набилла Агафьину котомку разным скарбом и засовывала туда еще сырники и небольшие сероватые хлебцы... Делая это дело, старуха лила обильные потоки слез, взглядывая на дочь, молчаливо сидевшую на лавке. Отец молчал. На его хмуром лице не заметно было никакого волнения. Он словно без всякого смущения глядел на отъезд дочери. Только изредка он посматривал на Агафью и, замечая на лице ее некоторый страх, тихо говорил:

– А ты, Агафья, не бойсь... Перво, как в Питер прибудешь, обратись к Никону, в Ямской. Так и спроси, мол, Никона, извозчика тверского... Тут у тебя прописано на бумажке... Он тебя научит... Не бойсь!.. – ободрял старик.

Агафья не говорила ни слова. В ее вообра-

жении Питер представлялся каким-то крошечным адом, где люди чуть ли не поедают друг друга. Ее страху немало способствовали рассказы односельцев, особенно рассказы о ловких петербургских мазуриках. Она воображала, что только приедет в этот ужасный город, как немедленно мазурики возьмут у нее единственную ее “пятишницу”. Затем (подсказывало ей воображение) что-нибудь особенное да случится... Что такое именно, Агафья никак не могла вообразить, но в ее голове рисовался ряд неясных, страшных картин.

– Готово? – спросил старик.

– Сейчас!.. Эко ты поспешный какой! – воркнула старуха. – Детище ведь свое!

– Нечего возжаться-то... Вон и Микита идет.

В избу вошел пожилой мужик Никита и, перекрестившись, спросил:

– Собрали?

– Собрали, – промолвил отец.

Все присели на лавку. Посидев несколько минут, молча стали молиться на образа.

– Ну, с богом, Агафья... Прощай. Смотри... в Питере не балуй... Так и ступай к Никону...

Помни, Ямская... Пиши, когда на место поступишь.

– Прощай, Агафьюшка... берегись Питера-ту... Страсть он для бабы!.. Рубахи-то не потеряй... Сырники... Прощай, родненькая!..

Агафья простилась с отцом и матерью, села с Никитой в сани, и серая клячонка поплелась, увозя их от деревни. Несколько времени путники сидели молча. Наконец Агафья спросила:

– Дядя Микита... А, чай, тамotka страсти?

– Не бойсь, баба! – утешал ее Никита, хотя и он, никогда не бывавший в столице, полагал, что там страсти.

– Главное дело, – продолжал он, – Никона сыщи... Он весь Питер знает. Первый извозчик!

– А мазурики?! Нешто ты не слыхал, как Левонтий про них рассказывал.

– Богу чаще молись! Опять же Никон... Он все знает.

– Страшно, дядя... город-то, сказывают, о-о-ох.

– Известно, Питер – столица.

К вечеру путешественники приплелись к

Окуловской станции. Никита стал брать билет для Агафьи. В это время машина взвизгнула, Агафья вздрогнула.

– Не бойсь! – утешал Никита. – Главное, богу почаще молись... Прощай... да на чугунке-то осторожней...

Раздался звонок, и Агафью втолкнули в вагон. Там шел храп и визг. Вошедшие стали искать мест, но мест не оказывалось. Вошел кондуктор и кое-как распихал новоприбывших по скамейкам. Села и Агафья. Машина тронулась.

– Ох... господи! – крикнула Агафья и стала креститься.

Испуганная, она так всю ночь и не спала. Наутро немного попривыкла. Однако выходить на станциях боялась. “Кто его знает, – думала она, – а как он меня оставит!” Так до самого Петербурга не вставала с места.

– Вы какие будете? – спросил ее сосед-лакей.

Агафья испугалась и крепко к груди прижала пятишницу.

– Деревенски будем!

– Ха-ха-ха... Вы в столицу первый раз, зна-

чит?..

– В первой.

– Значит, вы не знаете, как у нас там жить?.. Теперича я служил по местам и могу сказать, нонче очень трудно, по тому на кого попадешь...

– Это так! – подхватил кто-то.

– И вот что я вам скажу, – продолжал лакей, по-видимому ни к кому не обращаясь, – все зависит от того, как ты себя поведешь... С ними нельзя честью... Служил я у одного чиновника и думал честью – это я только в Питер-то этот самый приехал, и что же, братцы мои, – он мне за честь-то пяти целковых и недодал... Это за честь-то!..

– Ишь ты! – раздалось в вагоне.

– А ежели ты теперича где по благородным домам с карт доходы получаешь да, примерно, с булочной, то жить можно. Только он тебе слово, а ты ему не спущай, чтобы он не полагал!.. Вы в кухарки? – обратился лакей к Агафье.

– Бозныть... Куда бог приведет.

– Бистексу умеете сжарить?

– Ничего, родимый, не умею. А ты скажи

мне, дуре, как? – проговорила нерешительно Агафья, боязливо поглядывая на лакея, в котором ее напуганное воображение старалось отыскать мазурика.

– Рассказать толку нет... А это самое узнать можно... Наперед, следственно, вы в судомочечки... Опосля по старанию и в куфарки можно выйтить!

Однако Петербург уже был близко, и в вагоне шли сборы. Стали одевать котомки, собирать узлы. Изредка раздавались восклицания:

– Где тулуп-то... братцы, а тулуп?

– Узел мой!

– Корзинка... Не трожь ты ее... Бога не боишься!

Агафья сидела ни жива ни мертва... Но вот поезд въехал в дебаркадер[1]. В вагоне стало темно. В это время Агафья почувствовала под своими мешками руку и взвизгнула.

– Что вы, – заметил лакей... – Аль испугались столицы? – засмеялся он.

В вагоне раздался хохот.

– Вы теперича куда?.. Как вас звать-то?

– Агафьей.

– Вы, Агафья Ивановна, куда?

– К Никону, тверскому...

В вагоне опять захихикали. Поезд остановился; поднялась возня; всякий торопился выйти, и Агафью забыли.

Она не знала, куда идти, и все сидела на месте. Наконец последний выходивший мужик спросил:

– Что ж, баба, не идешь?

– Не знаю, дядя... покажи...

Мужик вывел ее на платформу, а затем и на улицу и, рассказав, как идти в Ямскую, оставил ее... Агафья окончательно испугалась столичного шума и стояла среди улицы, приговаривая:

– Господи!.. что же это!.. Господи!

Читателю, верно, случалось встречать на петербургских улицах баб, останавливающих прохожих с просьбой прочесть каракулями написанные адреса. Обыкновенно петербуржец на такую просьбу ответит: “Иди, матушка, прямо, а там свернешь налево и, как дойдешь до Троицкого переулка, сверни направо”, – и прочее, и затем продолжает свою дорогу. А баба, занесенная в столицу, долго еще ходит по петербургским улицам, долго еще

спрашивает прохожих и, носясь, словно челнок по волнам, не скоро попадет куда нужно. Только исходив пол-Петербурга, доплетется наконец, измученная и усталая, по адресу.

Так было и с Агафьей. Пока она стояла среди улицы, над самым ее ухом раздалось: “Берегись!” – и парные сани пронеслись дюйма на два от Агафьинова носа. Она ничего не сказала, только перекрестилась и пошла на тротуар. Началось обычное мытарство, и Агафья только поздно вечером пришла в Ямскую, побывав сперва и в Коломне и на Васильевском острове и испытав всевозможные страхи. Усталая и голодная, спрашивала она:

– Здесь будут тверские?.. Никон Афанасьич?.. Извозчики?

– Здесь... Ступай в горницу, – сказал ей какой-то парень.

Агафья вошла. Скоро ее усадили ужинать. Пошли разговоры, расспросы про деревню. Никон обещал скоро поставить на место в судомойки.

– Потому у меня есть три куфарки знакомых... По богатым живут... Поставим. А теперь ложись с богом, Агафья... Чай, умаялась.

С такими надеждами Агафья легла спать и скоро заснула. Во сне она часто вскрикивала. Сперва снилась ей маленькая деревенька... Дальше похороны мужа, только всего год с ней жившего... Потом снился ей Вавилон столичный. Вот она на улице... Лошади прямо на нее летят... большие, сердитые лошади... Она хочет спрятаться в сторону, но лакей подходит к ней и спрашивает: “Агафья, а где пятишница?” Она прижимает руками сокровище, но лакей уже берет пятишницу... Лошади в это время налетают и топчут Агафью...

– Ой... Господи помилуй! – вскрикнула баба.

– Вставай, Агафья! Чего спужалась, аль со сна?!

Агафья посмотрела вокруг. На дворе было светло. Извозчики собирались на дневную работу.

Через две недели Агафья шла по Невскому со своим узлом. Дойдя до Большой Мещанской, она своротила в улицу и спросила у городского:

– Голубчик, скажи... где дом Лапатина будет?

– Третий дом налево... Эка чумичка! – проворчал городской вслед.

Агафья дошла до дому, вошла во двор и, после долгих переговоров с дворниками, поднялась по черной лестнице в третий этаж и вошла в кухню.

– Здравствуй... здравствуй, Агафья... – сказала кухарка. – Садись пока... Пойду скажу барыне...

Скоро вошла барыня и порядила Агафью за три рубля в месяц стирать белье, помогать кухарке и вообще делать что прикажут. Агафья только кланялась и благодарила.

В тот же день она получила себе крошечный уголок на кухне, куда поставила свой сундучишко, и в тот же вечер Агафья, лежа на тощем тюфячке, всплакнула на новоселье.

С следующего дня Петербург стал показывать, как он дает свои гроши деревенскому человеку: Агафью гоняли, не жалея ее ног. То в молочную слетай, то в булочную, то письмо отнести в ящик и прочее. Агафья все это исполняла старательно, и кухарка, сложившая благодаря такому рвению молодой бабы большую часть своих забот на свою помощницу, взамен того покровительствовала ей: не раз рассказывала ей о той каторге, которая приходится на долю подневольного человека, и пила кофейными обварками. Бывало, во время этого занятия войдет в кухню лакей и, бросая письмо, скажет:

– Живо снеси... барыня приказала, чтобы мгновенно.

Когда Агафья, словно бы ужаленная, вскакивала, чтобы немедленно исполнить поручение, то кухарка замечала:

– Не загорелось... подождет!.. Что это, прости господи, и кофию-то не дадут напиться толком... Только и знают, что гонять... Пей, Агафья... пей... успеют... Не лошадь же ты!..

И Агафья пила наскоро кофейные обварки, боясь, что вот-вот сама барыня войдет на кух-

ню и спросит: “А почему ты, дура деревенская, лакаешь кофей?.. Пошла, мол, вон! Нету тебе у меня места!”

И действительно, случилось, что барыня входила в такую пору и спрашивала, отнесено ли письмо, и Агафья бледнела, но кухарка всегда умела находить приличные случаю отговорки, и барыня уходила, ворча под нос:

– Ах, господи! Что это за прислуга!

А кухарка, в свою очередь, начинала трещать:

– Вот они... Человеку вздохнуть не дадут... Все ведь письма да письма. Знаем мы, куда ты письма-то шлешь!.. Денег все... денег... У душеньки все деньги перебрала... У-у-у!.. Ступай, Агафья, да зайди по дороге в мелочную... Возьми капусты к жаркому.

Агафья бежала с письмом иногда на другой конец Петербурга и ворочалась назад так скоро, как только позволяли ей ноги. А барыня уже ждала ее и нетерпеливо вырывала ответ. Но так как по большей части в ответах писалось, что “к крайнему сожалению, в настоящее время не могу, потому что у самого (или у самой) нет денег”, – то Агафья часто

служила мишенью, в которую попадала брань, предназначенная для авторов ответных писем.

– Где ты целый час пропадала, а?

– Я, барыня, то исть духом...

– Верно, где-нибудь у кумы сидела?.. Дура эдакая!.. Я этого не люблю...

– Я... я... барыня...

– Молчи... Будь готова... Сейчас на Моховую пойдешь.

Барыня уходила в комнаты, и там, если попадался муж, то и ему доставалось. Барыня была нервного характера и любила веселиться. А средств не часто хватало.

Кухарка, в свою очередь, пела Агафье:

– Удивляюсь... Дура ты эдакая... дура!..

Нешто птица ты, што ли? Из-за ейных мерзких каких-нибудь трех рублей тебе ни минуты покоя... Да нешто ты в почталионы нанималась? Так бы и сказала... Ей, видишь ли, любовник сгрубил – она и рвет на тебе сердце. Эх ты, безответная.

Дорого обходилось на первых порах знакомство с столицей. Часто вечером, умаявшись, засыпала она на своем блинчатом тю-

фячишке и нередко молилась богу, чтобы впредь не оставил господь своею милостию. Она боялась лишиться места, барыня сегодня шибко грозилась!

Таким манером поживала Агафья. С утра она металась как угорелая и только к вечеру немного успокоивалась и принималась кое-что работать для себя. Но случилось, что и в такое время ее беспокоили. Смотришь, барыня пошлет за ней и скажет:

– Агафья, вот тебе двугривенный. Возьми три письма и живо свези их... Вот это к Смольному, оттуда на Обуховский проспект, а потом в Измайловский полк... да по дороге заезжай к театру... Ступай, да, смотри, скорей... Кажется, на извозчика довольно...

Агафья уже понимала расстояния. Выйдет она за ворота, накинув на себя какую-то кацавейку, посмотрит на двугривенный и усмехнется... Однако же все-таки скажет извозчику:

– К Смольному!

– Садись за три гривенника, касатка!..

Так, бывало, Агафья прибережет двугривенный и уже за полночь вернется домой с

усталыми ногами...

– Ну что?.. Наконец-то!.. Господи! Да что ж это за прислуга? Иван Иванович, спрашиваю я тебя, что ж это за прислуга? – обращалась барыня к барину, когда Агафья подавала письма. – Кажется, деньги платишь... Господи!.. Ступай... да вперед смотри... Боже, боже, что это за прислуга! – продолжала ворчать барыня.

Если, случалось, господ не было дома, то Агафью гоняли лакей и кухарка. То попросят за винцом сходить, то за тем, то за другим...

Однако Агафья терпела и при помощи кухаркиных рассказов и своей сообразительности мало-помалу начала понимать самую музыку. Она припомнила, как ее спутник, лакей, на железной дороге говорил, что “честию очинно трудно”. Прозревала она, что в этих словах заключается много горькой правды и что нередко господа за три рубля норовят кожу стянуть с человека. Стала Агафья смекать эти дела и стала лупцовать к Смольному, а оттуда к Измайловскому вовсе не с такой отчаянной свирепостью, как прежде. А если барыня и начинала ее бранить, то на первых по-

рах она отмалчивалась. После и она не стояла истуканом, услышав раз, как кухарка отбрила барыню за слово “воровка” и как она настращала ту же барыню, сказав: “Вы не очень... Разве я воровка... Нешто такие воровки?... Нешто вы не знаете, что за воровку мировой скажет... Расчет беспременно потребую... Ишь, воровка!”

Долго еще ворчала кухарка, и барыня ушла из кухни, поджав хвост, и, только придя в кабинет к супругу, упала в обморок. О чем они там говорили, неизвестно. Только лакей Афанасий после рассказывал на кухне, что барин с барыней чуть не подрались и что барыня сказала барину: “Лысый дурак”, – а барин ей насчет душенек что-то...

Все это запримечала Агафья, и, когда ее ругали, она уже начинала сама сперва слегка ворчать, а после и протестовать невинными словами, вроде следующих:

– Нешто я лошадь?..

Никто, конечно, не разуверял ее в противном. Но никто, конечно, и не облегчал ее участи.

Мало-помалу Агафья завела знакомство.

Познакомилась с несколькими кухарками в доме. Кроме того, бегая часто по лавочкам, она встречалась там с горничными и лакеями большого дома и нередко обменивалась со своими знакомцами новостями.

– Ну, что у вас, Агафья, нового? – бывало, спросит ее кухарка четвертого этажа, забирая в лавочке провизию. – Аль жужжит?

Агафья только махала рукой и приговаривала:

– Артемьич... Отпусти-ка огурчиков... с расолом. Вчерась в три места гоняла!.. Право!

– Ишь... Верно, все за деньгам! А наша-то, наша-то тоже хороша. Получила это наша деньги... Ну, хорошо... Людям бы настоящим и приберечь, а они сейчас с этим с деньгам в клуб... Так и просидели все денежки в этом клубу... Вернулись в три часа ночи-то, с муженьком... Оба лютей зверей. Отворяю им двери... “Чего, говорят, отворяешь ты – это они мне-то – чрез сто лет после звонка...” Слышишь ты это, Агафья?.. Чрез сто лет... Хорошо... Смолчала... Подала раздеваться... Слышу: они-то после со своим-то пыняются... “Если бы, говорит, не ты, неумный, я бы, говорит,

беспременно выиграла”. А он ей: “Если бы, говорит, не ты, я бы, говорит, беспременно выиграл...” И пошли... и пошли... Однако пора йтить... Прощай, Агафьюшка... когда заходи чайку напиться.

Присматриваясь к подневольной жизни все ближе и ближе, Агафья уже стала понимать, что подневольное житье требует сноровки. Видела она прочих, хоть и прочих житье не бог знает что за красивое, а все ж таки эти прочие по возможности себя сохраняют. И вот, после годового пребывания, Агафья решила себя по возможности сохранять и воздавать обидчикам по заслугам. К этому времени Агафья из себя переменилась. Платье свое крестьянское сняла, завела городское, надела ботинки и приобрела где-то за два рубля шляпку. К кофе она тоже пристрастилась, и по примеру петербургских кухарок, душила кофейные обварки беспощадно. Подумывая о том, что за три рубля с нее требуют черт знает какой службы, она намеревалась поступить в кухарки. Она присматривалась к работе своей покровительницы; глядела, как та жарит жаркое и варит суп и прочее, и по своему ра-

зуму полагала, что теперь она и сама сумеет сжарить “бистекц” и испечь слоеный пирог. Тем временем она подыскивала себе место. Слышала она в лавочке, что с первого числа кухарка у одной чиновницы, жившей во дворе, отходит, и вот Агафья решилась поступить в кухарки.

Столица в глазах Агафьи давно перестала казаться кромешным адом, и хотя она знала, что мазуриков следует опасаться, но они далеко не казались такими страшными, какими казались они ей в деревеньке. Больше, чем мазуриков, опасалась она остаться без места. С пивом она познакомилась и находила, что этот напиток весьма питательный и хороший. Такое же недурное мнение получила она и вообще о пище, попадавшей ей нередко с господских тарелок. Пища эта ей казалась не в пример лучше той, которую она ела в деревне, и когда Никон, которого она изредка навещала, спрашивал: “Ну што. Агафья... Аль здесь сытней?” – то Агафья, не затрудняясь, говорила, что на господских тарелках остатки гораздо слаще, чем хлеб и пустые щи в деревне.

И когда она получала из деревни письма, в которых жалели ее на чужой стороне, то она спешила отвечать – ответы писал ей знакомый лакей, – что она, слава богу, здорова и в благополучии, а насчет баловства чтобы не сомневались, потому за себя постоять может, и так далее.

Касательно последнего пункта Агафья была совершенно права, потому что насчет этого была весьма строга. И когда раз младший дворник пригласил было ее в трактир напиться чаю, то она пошла и напилась чаю, но когда тот же дворник стал говорить ей несообразные вещи, то она только плюнула и показала свой здоровый кулак.

– Аль не любите нас, Агафья?.. – сказал дворник.

– Пошто не любить! – усмехнулась Агафья.

– Если бы вы только понимали... именно понимали, как то ись я теперича... – размазывал дворник.

– Нечего мне, Василий, понимать... А главное, пора домой идти, барыня хватится!

Так дворникова любовь была отвергнута, и Агафья пришла домой не без некоторой гор-

дости, что и на нее, “чумичку”, как она себя часто называла, стали люди обращать внимание. Но ей, как видно, рыжий дворник был не по вкусу, и Агафьино сердце до поры до времени было спокойно.

За несколько дней до первого числа Агафья пришла к чиновнице. Войдя на кухню, она дала гривенник старой кухарке, и та доложила о ней барыне. Барыня вышла.

– Ты кухарка?

– Кухарка, барыня, – отвечала приодетая Агафья. – Слышала, место есть?

– А ты где прежде жила?

– Тут же у нас в доме живу, у генеральши Павловой, может знаете?..

– А хорошо умеешь готовить?

– Как не уметь! Все сготовлю. Теперича бистекц, пирог, суп с кореньями или щи, пирожное-оладьи, компот...

– Ну хорошо, хорошо. Только ты у нас одна прислуга будешь; нас всего двое: я да муж. А жалованья пять рублей.

– Помилуйте, барыня, как можно за пять рублей? Останетесь мною довольны. У генеральши вот я год жила, и если бы...

Наконец, после долгих переговоров, сошлись на шести рублях, и положено было через три дня быть Агафье на новом месте.

Когда барыне доложили, что Агафья отходит, то барыня подняла глаза и сказала:

– Господи, что это за прислуга! Кажется, никакой благодарности не чувствует. Рада променять господ... Я ли ей не платила. И ничего-то ровно она не делала. Только три рубля даром брала. Господи! что это за народ!..

Конечно, Агафья очень хорошо знала, даром ли она брала свои три рубля, и потому – о бесчувственная! – не обратила никакого внимания на упреки.

Через три дня она была на новом месте.

Новые хозяева Агафьи были “чиновники”. Барин был весьма занятой господин; с утра он уходил в должность, возвращался к обеду и, пообедав, снова садился за работу, так что Агафья его почти не видела. Только в двадцатых числах каждого месяца Агафье предстояла трудная работа волочить своего хозяина от дверей квартиры до кровати, так как сам чиновник дойти был не в состоянии, ибо три дня сряду после получки жалованья доставлялся кем-то до дверей своей квартиры в крайне бесчувственном состоянии. После трех дней барин снова вел скромную чиновничью жизнь и мало обращал даже внимания на то, что супруга за эти злополучные три дня журила его самым немилосердным образом в течение остальных двадцати семи дней...

Барыня была из тех петербургских чиновниц, про которую вы скажете, если увидите ее в приказчиьем клубе за мушкой: “бой-баба”, – и которую окрестные лавочники, зеленщицики, мясники, дворники и тому подобный

люди называли: “вор-дама”, – намекая этим прозвищем на юркость и бойкость новой Агафьиной хозяйки.

Действительно, госпожа Петухова вполне оправдывала такое прозвище, и Агафья скоро почувствовала, с каким сильным и ловким врагом она имеет дело. С первых же дней наша героиня увидела, что в дружественных отношениях с барыней быть никак невозможно, потому что с первых же дней барыня забраковала принесенную Агафьей провизию и, узнав о ее стоимости, заметила:

– Ты, матушка, вовсе этого и не думай, чтобы покупать так... Где это ты брала? Верно, у подлеца Петра в лавочке?

– Где же брать-то? – заметила кухарка.

– Где же брать? – передразнивала барыня. – Где?.. Бери в другой лавочке, подешевле бери, да, главное, знай, что я не люблю, когда у меня много провизии выходит... Слышишь ли?.. Не люблю.

Чем дальше жила Агафья, тем ясней видела, что и на новом месте ее хотят запрячь во все нелегкие. С утра надо прибрать комнаты, потом поставить самовар, затем бежать за

провизией, обед приготовить, а после только что Агафья вздохнет после третьего стакана кофейных обварок, как барыня уже влетает в кухню:

– Агафьюшка... Нельзя ли мне приготовить юбку?

Сперва Агафья исполнила эту просьбу, но скоро убедилась на опыте, что недели через две эти просьбы перешли в положительные приказания, и уже барыня, влетая на кухню, говорила:

– Агафья, что же мне юбку?

Тогда кухарка воспротестовала и заметила:

– Да что ж это, барыня... Рази вы меня в прачки нанимали?

– Что? Ах ты господи! Да разве я тебя не нанимала мелочи-то мне стирать?.. А, а?.. Что же значит одну юбочку? Что?

Обыкновенно после подобных сцен происходил крупный разговор, в котором с обеих неприятельских сторон часто упоминалось слово “мировой”.

Однако же, после всякой подобной стычки, барыня, уходя в спальню, измышляла всевоз-

можные средства, чтобы половче навалить всякой работы на кухарку, а Агафья, лежа на своем уже плотном тюфяке, также изыскивала всевозможные способы как-нибудь да обойти барыню. Стала она думать, нет ли средств как-нибудь подойти к барыне с такой стороны, с которой менее всего барыня ожидала нападений, и, заручившись таким образом, уже свободно собирать небольшие крохи, остающиеся от покупки провизии, не мыть юбок, не особенно внимательно сметать паутину и не мыть два раза в неделю полов, словом – не отдавать всю себя на съедение за каких-нибудь шесть рублей, а позаботиться хотя чуточку и о себе...

Думая таким образом, Агафья остановилась на одном черноволосом господине, который нередко приходил в гости к барыне в то время, когда муж бывал в должности... Развивая свои идеи дальше, Агафья сообразила, что этот черноволосый не зря давал ей гривенники, и тут же вспомнила, как несколько дней тому назад, когда в отсутствие барина, как-то вечером, приехал черноволосый, барыня ни с того ни с сего прилетела к кухарке и сказала:

– Что это ты, Агафьюшка, все дома да дома сидишь?.. Сходила бы погулять... Вот тебе двугривенный...

Кухарка до того поражена была этой неожиданной любезностью со стороны “вора-дамы”, что в то время ничего не сообразила, а только обрадовалась и пошла в гости к извозчику Никону.

Теперь же, припоминая все эти обстоятельства, она взглянула на них несколько иначе и решилась вперед глядеть еще внимательней, чтобы, когда придет случай, накинуться внезапно на врага и тогда уже исполнять свои обязанности по душе, “а не то как какой-нибудь каторжнице, прости господи”, – сказала Агафья про себя и с этой мыслью заснула с улыбкой.

Скоро ее намерения привели к хорошим результатам. В один из вечеров, когда барин пьянствовал, к барыне приехал черноволосый, и барыня спровадила Агафью. Агафья ушла, не забыв, однако, взять ключ от черного хода, и, посудачив с полчаса с генеральской кухаркой в том же доме, незаметно вошла в кухню и, услышав какие-то оживлен-

ные разговоры в гостиной и даже (будто бы) поцелуи, вошла так-таки прямо в гостиную и спросила:

– Барыня, прикажете самовар ставить?

Агафья очень хорошо заметила, как барыня отскочила от черноволосого и как барыня вся покраснелась, но Агафья – как ловкий неприятель – вовсе не показала и виду, что она кое-что видела, и скромно дожидалась ответа.

– Поставь!.. – еле выговорила барыня.

– Пожалуйте книжку за булками сходить...

– Возьми... там... в спальне... Впрочем, я сама тебе дам...

Скоро черноволосый ушел, и хотя барыня ни слова не сказала Агафье, но Агафья тем не менее видела, что барыня в ней заискивает. Одним словом, события последнего дня окончательно оставили победу за кухаркой.

В ту же ночь Агафье пришлось волочить хозяина в его кабинет... Исполняя эту обязанность, Агафья не без сожаления взглянула на чиновника и, раздевая его, проговорила:

– Эка, родимый, как нагрузился...

– У Палкина... Дда... Нне могу... Кучу...

Черт возьми!.. – шептал только чиновник.

– Спи... спи... – проговорила кухарка, принесла хозяину графин воды и легла спать в твердой надежде, что у нее завтра останется копеек десять от закупки провизии.

IV

Через год Агафья была уже заправская кухарка. Она выучилась делать даже настоящее пирожное, скопила себе рублей двадцать, приобрела себе салопчик на кошачьем меху и не только не мыла юбок своей барыне, но даже, стирая пыль в то время, когда господа предавались безмятежному сну, она обходила углы весьма небрежно и рассуждала, иногда даже громко, таким образом:

– Ишь ее набралось! Откуда это только?

Затем, если Агафья была в хорошем расположении духа, она иногда подшучивала над господами, обращаясь в разговоре к своему любимцу, коту Ваське, которого она достала где-то на чужом дворе:

– Что, Васька, мяса, дурак, ждешь? Небось мясо любишь... а, а?.. А господ любишь? Вот они себе спят, а мы, Васька, пыль стирай...

Вчера она-то в клубу закатилась... А он, бедный, хи... хи... хи...

Но если во время таких монологов раздавался кашель из соседних комнат, Агафья снова принималась за свое дело молча и снова беседовала с Васькой, если находила, что беседа ее не разбудит господ.

Если б читатель в это время встретил Агафью на улице, то едва ли бы узнал в ней ту глупую деревенскую бабу, которая так боялась Питера. Вот, поглядите, идет она: на ней салопчик на кошке и шляпка с красными лентами... Она идет гоголем и если останавливается теперь перед магазинами, то вовсе не с теми удивленными глазами, с какими останавливалась прежде... Даже извозчики, предлагая ей услуги, зазывают ее, говоря: “Не хотите ли, барыня?”

Тут я замечая, что до сих пор не познакомил читателя с ее наружностью. К сожалению, я не могу познакомить читателя с наружностью Агафьи с очень выгодной для нее стороны. Агафья скорей была дурна, чем хороша. Лицо у ней было рябое, нос слишком велик, а глаза даже глядели немного вкось...

Что же касается до волос, то они были у нее огненного цвета... совершенно огненного.

Однако, несмотря на такую наружность, сердце ее было не свободно. Она любила, и ее любили... Избранный ее сердца был денщик-лакей в одном с нею доме и часто навещал свою Агафью Тихоновну, как деликатно ее называл денщик.

Нельзя сказать, чтобы и Алексей Васильевич отличался красотой форм или лица, нельзя сказать и того, чтобы Алексей Васильевич был очень трезвый человек, как нельзя сказать и того, чтобы он не лупцевал своей Агафьи Тихоновны, но при всем том они любили друг друга, и Алексей Васильевич так и слыл под именем жениха, обещая Агафье жениться, как только скопит малую толику деньжонок.

Таким образом шли дела уже целый год, и Алексей Васильевич перебрал у кухарки до двадцати пяти рублей... Ходил он к ней два раза в неделю, и тогда можно было видеть эту пару, сидящую за столиком, где непременно красовался графин водки и стояла закуска...

Прошло еще с полгода. Агафья терпеливо

ждала, когда ее “жених” решительно заговорит о свадьбе, но он, однако же, каждый раз, как Агафья намекала ему об этом, отлынивал от разговоров или же говорил, что “времена нынче, о-о-ох”.

– Послушай, Алеша... Ты меня не морочь, не дура я какая... А ты, как следует благородному человеку, женись.

– Я женюсь, Агафьюшка, только, понимаешь ли...

– Чего понимать-то? Лучше без греха...

– А то что?

– А то, что подай мне мои двадцать пять рублей.

Вместо всякого ответа Алексей Васильевич показал ей кукиш и ушел из кухни.

В ту же ночь Агафья долго плакала и на следующее утро забежала к генеральской кухарке посоветоваться... Там она узнала еще более ужасные вещи. От приятельницы она услышала, что Алексей Васильевич забрал тридцать рублей у другой кухарки и тоже обещал на ней жениться... Горе Агафьи не знало пределов. Долго толковали обе собеседницы, и Агафья решила действовать энергически.

Вечером она пошла к Алексею Васильевичу. Неизвестно, чем кончился у них разговор. Известно только то, что Агафья получила несколько новых синяков под глазами и узнала, что жених поступает в городовые... Надежды, по-видимому, были все потеряны.

Но Алексей Васильевич, поступив в городовые, будто нарочно хотел испытать сердце бедной женщины и в один прекрасный день явился к ней в новой форме. Увидав своего “жениха” в таком блестящем наряде, Агафья пуще залилась слезами и сказала:

– Сволочь ты, а не человек... ступай вон!..

Но Алексей Васильевич стал приводить резоны и кончил тем, что просил еще двадцать рублей, обещая через неделю же непременно жениться...

– Обманешь?..

– Вот тебе бог... А што с той кухаркой, Агафьюшка, так это все пустяки... Право, Агафья, дай денег. Потому мне теперича кое-что нужно справить... Городовой не то чтобы... Ты это дело по бабьему смыслу не поймешь!!

Долго они еще говорили, и под конец Алексей Васильевич снова побил Агафью.

– Так ты так, подлая душа... Посто́й же!.. – крикнула всле́д уходившему Алексею Васи́льевичу рассерженная кухарка.

В тот же день она обратилась к своему барину с следующей просьбой.

– Барин, – сказала она, плача... – Напишите евойному начальнику, чтоб он женился... Два года, подлец, обещал... забрал более тридцати рублей, окромя подарков, а теперь бьет и просит еще двадцать рублей.

Барин стал ей объяснять, что ей за охота выходить за такого человека, но на это Агафья заметила:

– Нет, пуцай женится... За что мои деньги будут пропадать!

– Так лучше истребовать с него деньги...

– Нет – женись. Что деньги?.. Нет, барин, нельзя ли заставить его, подлеца, жениться?

– Да ведь он тебя, Агафья, бить будет!..

– Посмотрим тогда как! – ответила Агафья... – Жена не то... Нельзя ли, барин?

Но так как барин не знал, как приняться за это дело, то Агафья в тот же вечер пришла в Алексееву будку и предложила ему следующий ультиматум:

– Ежели ты, эдакой подлец, не дашь мне сейчас расписки, что женишься, барин мой к приставу завтра поедет. Он все ему скажет... слышишь?

Городовой струсил, дал расписку и получил от Агафьи еще тридцать рублей... Через неделю они обвенчались, и Агафья перебралась в будку.

V

Теперь вы увидите Агафью Тихоновну на Семеновском рынке. Она значительно пополнила и подурнела, но приобрела удивительно звонкий голос, которым зазывает покупателей. Она торгует разной мелочью и ведет свои делишки хорошо. Супруг ее – старший городовой и находится у нее под началом. В сделавшей себе карьеру Агафье Тихоновне вам и не узнать прежней деревенской бабы. Она с виду совершенно купчиха, особенно когда в воскресенье идет в церковь, в атласном салопе... О Петербурге она самого лучшего понятия и с некоторым презрением относится к деревне. К довершению всего, должно заметить, что Агафья Тихоновна весь-

ма вошла во вкус пива с Калининна завода и вечером выпивает значительное его количество. В это время особенно и побаивается ее муж – благонамеренный городской нашей столицы.

II СТЕПА

Крайняя нужда заставила государственного крестьянина Новгородской губернии Ивана Андреева снарядить своего сынишку в Питер. Отправляя его в дорогу вместе с односельцем-извозчиком, отец так наставлял мальчика:

– Смотри, Степка, в Питере не баловать! Сват Трифон отдаст тебя в ученье... Выучишься – человеком будешь!.. Прощай, Степа!

Мать, прижимая сынишку, ничего не говорила, потому что говорить ей мешали слезы. Она крестила его одной рукой, а другая засовывала за тулупчик только что испеченные лепешки.

Мальчик был в каком-то недоумении и только усердно щипал своими крохотными ручонками большую овчинную шапку, подаренную ему отцом на дорогу.

Когда вышли из избы, на улице собралось несколько деревенских ребят и стали прощаться с мальчиком. Некоторые как-то за-

вистливо смотрели на маленького путешественника в полушубке и большой шапке и, зная, что Степа едет в Питер, от души хотели быть на его месте... Другие же – побольше – без особенной зависти взирали даже и на большую шапку и замечали:

– Тамотка, братцы – сказывал дядя Андрей – страсти! Город эвона!..

И мальчик приподнял на сколько мог руки.

– Тамотка, – продолжал рассказчик, – ровно бы в нашем алексинском бору заплутаешься... И опять же – боязно... Сказывают, наших ребяток, братцы, в Питере бьют ой-ой как!.. Это все дядя Андрей сказывал... Он, братцы, знает... Он в Питере жил... Дядя Андрей все знает!..

– Ну, садись, Степка... Едем, малец, гроши добывать! – шутил Трифон, усаживаясь на легковые санки... – Ну, желтоглазая!.. марш опять в россейскую столицу!.. – добавил извозчик-зимник и стегнул свою маленькую шершавую лошадку.

Скоро санки выехали из деревни, а мать все еще не унималась. Да и отец как-то пас-

мурно драл лыко на лапти...

– Не хоронить послали... Чего ревешь! – наконец заметил он жене.

– Иван!.. Бога ты не побоялся... Там... там ему смерть!.. Сам знаешь, как их, мальцов-то, в Питере...

– Полно, баба... Бог даст, выучится. А ты не всему верь... баба!..

А санки скользили себе по ровной гладкой дороге, и мальчик уже вступил с Трифоном в разговор. Выезжая в первый раз из села, мальчик решительно интересовался всем и до того закидал Трифона вопросами, что тот едва успевал на них отвечать. Особенно Степку занимала столица.

– А что, дядя Трифон, она, самая эта столица, много будет больше наших Дубков?

– В тысячу раз будет больше, Степка.

Мальчик решительно не мог сообразить, зачем это столица такая большая. Однако, не желая выказать перед Трифоном своего недоумения, он только заметил:

– И там, дядя Трифон, как у нас в Дубках, всё хрестьяне живут?

– Всякий народ в Питере живет, Степка... И

графы, и князья, и дворяне, и купцы... и наш брат... Всякого, братец ты мой, в Питере народу довольно!..

– Ишь ты! и графы и князья, дядя Трифон.

– Тепериче выедешь в ночь... Станешь у трактира, а оттуда выйдет какой ни на есть барин и подает голоском: “Эй, мол, извозчик!..” Я сичас вот эту самую желтоглазую хлысть кнутишком, подкачу... “Куда, мол прикажете, ваше сиятельство?”

– А что, дядя Трифон, князья-то какие будут?

– Известно какие – фицеры!.. Видал. Степка, солдат?.. Ну, так господа над ними командуют... И ежели солдат что не так, они его – солдата-то – сейчас по-своему, добру, учат: делай, мол, по службе по нашей, а не то штобы как-нибудь... Эitto когда на парате; а ежели не на парате, то по ресторациям, Степка, сидят больше, чай пьют... Там мы их и ждем... ночью-то...

Все эти сведения до того были новы для Степы, что он решительно не мог дать себе отчета. Он вообразил офицеров высокими такими, большими, с длинными усищами, вост-

рыми глазами, имеющими в руках по большой палке, которую так и размахивают, словом – Степа вспомнил фельдфебеля, который в селе муштровал солдат, и, увеличив этого фельдфебеля в несколько раз, решил в своем детском умишке, что офицеры должны быть именно такие.

К вечеру Трифон остановился покормить. На постоялом дворе было несколько извозчиков. Разговорились.

– Мальца-то куда везешь? – спросили извозчики.

– Туда же... в Питер! – отвечал Трифон.

– Аль Ивану плохо пришлось?..

– Беда, братцы!..

– В ученье?

– Бозныть... Наказывал в ученье сдать...

Отдать какому ни на есть немцу... Известно, у кого как не у немца...

– А паренек-то махонькой еще... Как бы его не укатали в Питере-то... – участно замечали извозчики.

– Никто, как бог!..

Степка все это слышал, и в его голову закралась мысль, что немец, должно быть, ка-

кой-нибудь старик вроде того беглого, который в прошлом году в Дубках объегорил какого-то крестьянина и после хотел спалить деревню. Этим стариком все дубковские матери пугали своих детей, и Степа, как и другие, воображал его таким же страшным, как лицо антихриста на лубочной картинке, висевшей дома. Таким же стал ему казаться немец, и Степа крепко пригорюнился и даже всплакнул, после чего заснул крепким, ребячьим сном...

Чрез два дня Трифон со Степой въезжали в столицу, и когда мальчик увидел большие дома, конки, городских, батальон солдат с музыкой и прочие столичные хитрости, то только ахал и крепко жался к Трифону...

– Не бойсь, глупый... Не укусят! – смеялся извозчик.

На третий же день мальчик поступил в ученье к сапожному мастеру Карлу Ивановичу Шмидту. Когда Степа увидел благообразное, выбритое лицо немца, то успокоился и, прощаясь с Трифоном, важно ему заметил:

– Скоро я тебе, дядя, во какие сапоги сошью...

Очутившись в кругу новых товарищей, Степа маленько струхнул и съежился, особенно когда один из учеников подошел к нему и дал ему по уху, ради первого знакомства... Степа стерпел, но чрез минуту сам ударил обидчика... Поднялась драка... Пришел Карл Иванович и помирил обоих на том, что отгузил хорошенько и правого и виноватого...

Невеселая жизнь началась для деревенского мальчика. Работу на него наваливали непосильную, и, главное, ни минутки покоя. То наколи дров, то стопи печи, то сбегай в лавочку, то снеси сапоги, то вымой полы. Одним словом, вместо учения Степке пришлось быть на посылках. И хозяин, и хозяйка, и подмастерья смотрели на Степу, как на своего крепостного, а в награду за все это – затрещины, удары ремнем, ругань и дурная пища.

Видали ли вы, читатель, как в трескучий мороз бежит по улице мальчик-крошка в своем классическом халатишке и пощелкивает зубами?.. Видали ли вы это посиневшее от холода личико мальчугана, посланного отнести сапоги?.. Если вы видели, то должны знать, что это жертва столичная, жертва, которой не

всегда суждено дожить и до пятнадцати лет!

Помещение у Карла Ивановича не отличалось особенным комфортом. Сам Карл Иванович имел довольно удобную комнату, но мальчишки-ученики жили в сыром подzemелье, где спертый и сырой воздух подтачивал день за днем молодые детские силы.

Ночь... Морозная петербургская ночь... Дети спят вповалку на нарах, на тонких соломенных подстилках... Вонь и духота в этой комнате, полной всяких насекомых... Все дети худы, бледны и одеты в какое-то подобие белья... Прикрыты они чем попало, и жмутся и вздрагивают, бедняги, от холода...

– У-у-у!.. Петька, холодно... – шепотом говорит Степа...

– А ты съежься, Степа... теплей будет...

– Проклятый хозяин... полушубок отобрал!

– Он у нас, Степка, завсегда так!.. Малы-де в полушубках ходить...

Дети замолчали и снова пытались заснуть, натягивая на себя дырявое одеяло... Скоро они заснули... Спят дети, вдыхая убийственный воздух... Спят дети, глотая яд и смерть... Спят маленькие создания, и во сне им снятся теп-

лые избы, простор деревенских полей и добрый материнский уход...

Но не спит подтачивающая их смерть. Она стоит с расprostертыми объятиями в этом сыром подземеелье и алчно глядит на раскинувшиеся во сне детские головки.

Не спит тоже и Степкина мать. Она не забыла своего парнишку и горькими слезами заливается, подумывая о своем сиротливом сыне. “Где-то он? У какого немца? Кормит ли его немец хоть по праздникам лепешками?”

Года через два Степка уже был хорошим учеником, чинил старые сапоги, ставил заплатки и даже умел подкидывать подметки. Но зато он день ото дня бледнел и худел. Сухой его кашель часто раздавался по ночам и будил соседа его, Петьку...

– Экой ты какой... Скажи завтра Карле Иванычу... – замечал Петька.

– Говорил... Сказывает, пройдет и так. А вот все не проходит!

– Скотина! – злобно проговорил мальчик и, повернувшись на другой бок, скоро захрапел.

А Степа все кашлял, схватываясь за грудь с резко выдающимися ребрами. Мальчику бы-

ло худо... Скорбный, больной, лежал он на соломе, и разные мысли забегали в маленькую белокурую головку. Грустно глядели его большие карие глаза. Тяжелая скорбь была в них...

– О господи! – шептал только мальчик.

Наконец он заснул тяжелым, прерывистым сном.

Видел он во сне, как его провожали в Питер, как Трифон рассказывал ему о столице и о князьях, как привел его к немцу и как немец оказался сначала не страшным, а потом... потом снилось мальчику, как его посылали в морозы в легоньком халатишке, как сидел он часто дни впроголодь и как Карла Иваныч бил его ремнем по детской спинке, больно так бил и приговаривал: “Русский мальчик дрянь есть! бить надо”. Снились мальчику Дубки, снилась мать и теплая изба... Потом...

– К мамке... к мамке хочу! – вскрикнул во сне мальчик.

– Вставай, Степка, ишь разоспался!!

Мальчик пытался встать, но встать не мог, силы совсем упали. Его трясла лихорадка. Сказали Карлу Иванычу. Карл Иваныч при-

шел и заметил:

– Много квасу пиль. Глупый мальчишка!

Однако Степа и после такой энергичной нотации не мог встать. На другой день Степу свезли в больницу.

Через неделю на дровнях везли маленький, окрашенный в рыжую краску гробик к одному из кладбищ. За гробиком шел, понуря голову, Трифон, а в гробике лежал Степа, окончивший свою недолгую, скорбную петербургскую карьеру.

Когда до Дубков дошла весть о Степиной смерти, отец не сказал ни слова, только отчаянно заморгал глазами и несколько дней где-то пропадал, а мать громко завывала, призывая громы небесные на виновников смерти сына... Но никто не слышал ее проклятий, кроме черных, закоптевших стен неприглядной крестьянской избы.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИЕ КАРЬЕРЫ

АГАФЬЯ

Впервые – в газете “Петербургский листок”, 1868, №№ 2, 3, 4, под названием: Петербургские карьеры. Очерк I. “Агафья Тверская”. Для сборника “В людях. Повести, очерки и рассказы”, СПб., 1880, очерк был подвергнут стилистической правке и получил окончательное название.

СТЕПА

Впервые – в газете “Петербургский листок”, 1868, № 8, под названием: “Петербургские карьеры. Очерк II. Степа”. Для сборника “В людях” был подвергнут стилистической правке. В Собрание сочинений (изд. А.А.Карцева) не вошел.

Л.Барбашова

Сноски

1

Дебаркадер – станционная платформа, у которой останавливается поезд.

[^^^]